Много лет прошло с тех пор, когда я впервые попал на Ивановские обрывы.

Помню, меня удивило, что сюда приезжали одни и те же рыбаки, причём не все ловили рыбу, иные просто сидели по берегам на травяных полянах, о чём-то разговаривали, бесцельно и бездельно бродили среди подлеска — такое поведение несвойственно рыбакам, большинство из них всё же добытчики, к созерцательности не очень-то склонные. Между тем раз за разом я наблюдал именно такую картину: сидят дядьки у костров часами, словно заворожённые… Словом, какая-то магия была у этих мест.

Околдовали они и меня.

Зачастил я сюда.

…Тихо шуршали шины по мягкой земляной дороге, вьющейся среди полей с ровными грядками изумрудных озимых. Из предутренних сумерек свет фар изредка выхватывал неподвижные жёлто-коричневые столбики сусликов, торчавших по обочинам. Тонко и сладковато пахло пылью.

Машина остановилась недалеко от крутого спуска в просторную долину. Брат включил дальний свет — невдалеке появились

очертания десятка старых домов, беспорядочно разбросанных по низине. Там и сям пепельно светились тропинки, по одной деловито спешила собака по своим собачьим делам. Я уже знал, что многие дома осиротели, заброшены, заколочены, зарастают вездесущей крапивой и татарником. На иных и крыши просели, обнажив стропила, похожие в сумраке на рёбра неведомых чудовищ. Повсюду буйно цвела сирень, словно желая своей дикой красотой скрыть убогость брошенного жилья. Покосившиеся, поваленные заборы открывали надворные постройки, тоже шаткие, притулившиеся друг к другу, чтобы окончательно не упасть и не рассыпаться. Журавль колодца сиротливо торчал на обочине, ведро на серебрящейся цепи поблёскивало — значит, есть в деревеньке люди и жизнь теплится.

Я открыл окно в машине, ворвался аромат сирени и земли — видимо, тут недавно узкой полосой прошёл дождик. Кругом запустение, необжитость, но земля так же призывно пахнет, словно зовёт к себе живых. Меня всю жизнь восхищает запах сырой земли.

Мы медленно спустились вниз. Лучи фар выхватили из слабеющей тьмы избу: в окошке мелькнул и тут же исчез багровый огонёк лампадки в красном углу. Сердцу стало тепло: ещё одно подтверждение, что жизнь не окончательно покинула эту деревеньку.

Сразу за околицей открылась река. Запахло водой и речными травами, дымом костров. Галечная коса реки. Невдалеке по сторонам долину обрамляют тёмные стены, это и есть Ивановские обрывы. Видимо, поэтому возникает ощущение замкнутого, но уютного пространства.

Брат засуетился, загремел багажником, принялся доставать наши рыбацкие причиндалы.

— Не шуми пока, а? — попросил я его. — Давай просто посидим, посмотрим.

Брат глянул с удивлением:

— А чего сидеть-то? Утро короткое, так всё и просидим.

Потом пожал плечами, словно поняв меня:

— Ну ладно. Посидим…

Но сам принялся устанавливать катушки на спиннинги и удочки.

Странное, слегка тревожное, но и восторженное чувство охватывает человека, когда он оказывается в теснине предутренней полутьмы. Помигивают последние высокие звёзды, холодные волны речного ветра скользят по телу, хочется вдыхать и вдыхать тонкие ароматы воды, трав, тумана. Человек, маленькая пылинка природы, из праха пришедший и в прах возвращающийся. В такие моменты чувствуешь невыразимую горечь неизбежности расставания со всей простой прелестью окружающей природы. Протестует ум человеческий, но душа радуется отпущенному присутствию в этом утреннем мире. И полнится душа благодарностью к природе и скромным, но драгоценным дарам её.

Я сидел на сырой траве, стараясь уследить каждое колебание камыша, осоки, таяние остаточных клочков тумана, всматривался в открывающуюся гладь реки, по которой смутными подвижными дорожками легли отблески костров, надеясь увидеть прогон щуки или жереха. Чуть доносился говор рыбаков, позвякивали их котелки и кружки. Разговорился и картавый перекат. Бух, бух, бух — рыбаки начали бросать в воду шары прикормки.

— Вон, мужики уже вовсю… — проговорил брат недовольно. — А мы всё чего-то смотрим и смотрим. Чего тут смотреть?

— Природу, — вздохнул я, и обвёл рукой окоём, словно был хозяином его.

— А чего её смотреть-то? — повертев башкой, пробурчал брат. — Природа она и есть природа. Никуда не денется. А утро пройдёт.

…И то правда, брательник. И утро пройдёт, и мы пройдём, а природа останется.

Сумерки превращали прибрежные кусты в пришедших на водопой горбатых животных. Недалеко длинный остров, поросший осокорями — они тоже превратились в рать грозных великанов, стерегущих реку. По мелководью с беспорядочными всплесками, хлопая пастью, наконец-то пронеслась неловкая щука, преследуя верховую рыбку. И сердце моё сдалось:

— Да, пора, пожалуй, — сказал я брату.

— Давно пора, — недовольно пробурчал он.

— Место-то, брательник, не ахти какое рыбное. Куда спешить?

Брат напялил рюкзак, собрал удочки в пук.

— Как хочешь, а я пошёл. Если не рыбное, так зачем ты решил сюда поехать? Можно было под Соморовку, там омута настоящие.

Что мне было ответить брату? Соморовские омуты, конечно, знаменитое место, никто не спорит. Только уж очень мрачно там, близкие крутые берега очертенело позаросли непроходимым лесом, на омутах всегда темно, даже днём. Не люблю, брат, я теперь эти знаменитые омуты, хотя было время, сам ловил там трёхкилограммовых сазанов.

— Иди, иди, — сказал я. — Скоро спущусь к тебе.

— Чудной ты стал, Мишаня, — сказал брат. — Другой бы ещё по темноте уже был на берегу, а ты…

И — ушёл бодрой походкой к реке. А я всё сидел на земле, над рекой и внутри рассвета.

Оповестил в деревне о себе первый петух. Тут же началась их перекличка. Слабенько проблеяли козы, мыкнула корова — наверное, пастух идёт по деревне, собирает стадо.

Из-под обрыва вылетела стая ласточек и понеслась над рекой, некоторые задевали воду, оставляя на ней тонкие штришки, усы. Бух, бух, бух ! — опять «бомбили» рыбаки на той стороне. Наверное, не клюёт.

Внизу у воды вовсю пылал костёр. Молодец, брательник, на рыбалке костёр — главное дело.

А я сидел и осматривал окрестности — в рассвете всё меняется на глазах. Счастливо успокаивалась душа — всё суетное, насущное забылось и отлетело. И я стал частью утра.

Вот, наверное, в чём разгадка любимых моих Ивановских обрывов, вот в чём магическая привлекательность этого места и причина моей любови к нему: именно тут мне удаётся достичь блаженной гармонии между мной, сирым и смертным, и бессмертной красотой природы. Природа, конечно, везде по-разному прекрасна, но у человека, кажется мне, всегда есть именно то «окно»,

то любимое место, река, опушка, долина, где он лучше всего ощущает её: вспомните свои самые длительные путешествия: и перед внутренним взором предстанет какой-то конкретный уголок, где все предметы — растения, камни, ручей, и облако над ним — сложились в единственную незабываемую гармоничную композицию. Это и есть твоё окно в природу, человек суетный.